

УДК 82.7

КНИГА М. М. БАХТИНА О ДОСТОЕВСКОМ В ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ США 1950–1970-Х ГГ.

© Вера Киржаева, Олег Осовский

BAKHTIN'S BOOK ON DOSTOYEVSKY IN THE AMERICAN LITERARY STUDIES IN THE 1950s -1970s

Vera Kirzhaeva, Oleg Osovskiy

The article analyzes the reception process of Bakhtin's book on Dostoevsky in the USA in the 1950s–1970s. For several decades, this monograph of the Russian scholar, published in 1929, was remembered only by a small circle of the USSR and Russian experts abroad. In the mid-50s it was mentioned during the discussion of N. Trubetskoy's article in "Novyi zhurnal". Bakhtin's idea of the polyphonic novel seemed to be close to Trubetskoy's understanding of specific features in Dostoevsky's novel. In the articles by R. Pletnev, V. Seduro and R. Jakobson, the book was described as an original and serious contribution to Dostoevsky studies. The publication of its second edition (1963) increased the interest in Bakhtin in the US Russian Slavistics (N. Pervushin, D. Chizhevsky). At the same time, the overwhelming majority of authors maintained the inertia of Bakhtin's perception as a scholar, close to the "formal school".

Bakhtin's growing authority, caused by the publication of his monograph on Rabelais (1965), heightened the interest in his ideas in American Slavic Studies and literary theory. With the publication of "Dostoevsky's Poetics Problems" (1973) Bakhtin's ideas have been included in the arsenal of the English-speaking humanities. The works by M. Holquist, R. Welleck, G. S. Morson and others, and a new translation of the book on Dostoevsky (1984) have finally determined "the Bakhtin turn" in US literary studies of this period.

Keywords: M. M. Bakhtin, American Literary Studies, "Problems of Dostoevsky's Poetics", critical reception, polyphonic novel, "the Bakhtin turn".

В статье рассматривается процесс рецепции книги М. М. Бахтина о Достоевском в США в 1950–1970-е гг. Опубликованная в 1929 г. монография русского ученого на несколько десятилетий оставалась в памяти лишь небольшого круга специалистов в СССР и российском зарубежье. Ее путь к американским славистам начинается в момент развернувшейся в «Новом журнале» полемики вокруг статьи Н. С. Трубецкого, чье видение художественных особенностей романа Достоевского оказалось созвучно пониманию полифонического романа М. М. Бахтиным. В последующих публикациях Р. В. Плетнева, В. И. Седуро, Р. О. Якобсона книга М. М. Бахтина оценивалась как оригинальный и серьезный вклад в дело изучения Достоевского. Выход в 1963 г. второго издания книги заметно усилил интерес к идеям Бахтина русско-американской славистики, в частности Н. В. Первушина и Д. И. Чижевского. При этом у подавляющего большинства авторов сохранилась инерция восприятия Бахтина как ученого, близкого к «формальной школе».

Рост авторитета Бахтина, вызванный публикацией монографии о Рабле (1965), усилил интерес к его идеям уже непосредственно американской славистики и литературной теории. С появлением перевода «Проблем поэтики Достоевского» (1973) идеи Бахтина начинают входить в арсенал англоязычной гуманитаристики, а работы М. Холквиста, Р. Уэллека, Г. С. Морсона и др., новый перевод книги о Достоевском (1984) окончательно определяют «бахтинский поворот» в литературоведении США в этот период.

Ключевые слова: М. М. Бахтин, литературоведение США, «Проблемы поэтики Достоевского», критическая рецепция, полифонический роман, «бахтинский поворот».

Приближающееся девяностолетие с момента выхода «Проблем творчества Достоевского» М. М. Бахтина – важная веха в истории отечественной бахтинистики, одним из проблемных по-

лей которой по-прежнему остается история рецепции первой бахтинской книги гуманитарным сознанием прошлого и нынешнего столетий. Масштаб личности Бахтина, авторитет которого

признан всем мировым сообществом, а идеи на протяжении последних пятидесяти лет становятся основой для развития новых подходов не только в литературоведении и языкознании, в философии и семиотике, но и в гуманитарной науке в целом, обуславливая актуальность определения механизмов понимания и освоения его теоретических позиций, характера их рецепции отечественным и западным интеллектуальным сознанием в широком историко-культурном контексте.

Книге о Достоевском в научной биографии Бахтина принадлежит особая роль: тридцать с лишним лет она одна обеспечивала статус Бахтина в официальном советском литературоведении, симпатию и поддержку коллег по цеху в разных жизненных ситуациях – от защиты диссертации до коллизий с изданием его работ в первой половине 1960-х гг. (см.: [Кожин], [Паньков]).

Как известно, книга о Достоевском, увидевшая свет в 1929 г., когда автор уже находился под следствием и ожидал приговора по делу «Воскресения», вызвала оживленную реакцию на рубеже 1920–1930-х гг. не только на родине мыслителя, но и за ее пределами у представителей российского зарубежья (см.: [Бочаров], [Осовский, 1992]). Именно эмиграция напомнила о ней во второй половине 1950-х гг., фактически положив начало освоению ее идей новым поколением американских литературоведов. Имя Бахтина появляется на страницах самого авторитетного издания послевоенной эмиграции нью-йоркского «Нового журнала» в связи с полемикой вокруг статьи Н. С. Трубецкого «О методах изучения Достоевского» [Трубецкой], появление которой сыграло свою роль в повороте эмигрантского достоевковедения 1950-х к переосмыслению того прочтения писателя, которое складывалось в 1920–1930 гг. и требовало продолжения и развития.

В тексте Н. С. Трубецкого содержались приметы внимательного прочтения книги Бахтина, что отметил В. В. Виноградов: «на Н. С. Трубецкого оказала сильное влияние книга М. М. Бахтина „Проблемы творчества Достоевского“ (1929), в которой доказывается, что характерной особенностью Достоевского как художника является „множественность самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний ... полифония полноценных голосов“» [Виноградов, с. 30–31]. Приоритет, отдававшийся Н. С. Трубецким формалистическому методу, что закономерно для основоположника Пражского лингвистического кружка, и стал причиной несогласия с ним Р. В. Плетнева, еще одного активного участника фи-

лологической жизни «русской Праги» (позднее перебравшегося в Северную Америку), автора опубликованной в 1931 г. рецензии на книгу Бахтина (см.: [Плетнев, 1931]). Показательно, что Р. Н. Плетнев отказался признать формалистический метод единственно правильным и высказался за максимальную широту исследовательских подходов: «Метод социологический, может быть, не стоит применять при изучении того или иного писателя. Возможно, но как же можно тогда считать, что литература „явление прежде всего социальное“ и отвергать социологическое направление? Я согласен, что работы таких марксистов, как Переверзев, мало помогают пониманию Достоевского.

Однако если литература „явление прежде всего социальное“, а не индивидуальное, то так легко отмахнуться от социологического метода нельзя, или уже придется тогда по-особенному истолковать понятия социологического явления и социологического направления в литературе» [Плетнев, 1957, с. 288].

Публикация в «Новом журнале» статьи В. И. Седуро «Достоевский как создатель полифонического романа (М. М. Бахтин о форме романа у Достоевского)» прямо указывает на то, что в сознании литературоведения русского зарубежья давняя книга по-прежнему остается одним из наиболее важных источников изучения наследия Достоевского. Обращает на себя внимание круг, в который автор помещает эту книгу: «В работе Бахтина, сказывается выучка у литературоведов-формалистов, группировавшихся в первые годы после революции вокруг т. н. группы „Опояз“ (Общества изучения теории поэтического языка). Издания „Опояз“ необычайно обогатили теорию стиха и литературы вообще и определили теоретическое лицо и направление работ многих литературоведов, в лице Бахтина. Формалистическое литературоведение обогатило изучение творчества Достоевского и повлияло на взгляд многих писавших о Достоевском» [Седуро, с. 71]. То, что Бахтин оказался среди формалистов, можно объяснить только недостаточным знанием автором реальной ситуации советского литературоведения второй половины 1920-х – начала 1930-х гг., однако стремление отнести к формальной школе любую научную активность, не укладывающуюся в представления о типичном советском подходе будет характерно практически для всей западной теории последующих десятилетий.

В статье американского слависта представлен не столько анализ, сколько реферат книги Бахтина. Ограничимся лишь одним примером. В. Седуро пишет: «Впервые обнаружил новый подход

к Достоевскому, как художественному целому, Вячеслав Иванов в работе „Достоевский и роман-трагедия“. Согласно Бахтину, определение В. Ивановым реализма Достоевского, как основанного на „проникновении“ и утверждении чужого „я“ не как объекта, а как другого субъекта, явилось важным моментом в попытках нащупать новую структурную особенность художественного метода Достоевского. Но и В. Иванов монологизировал этот принцип, ибо включил его в монологически сформулированное критиком авторское отношение к миру. Кроме того, Вячеслав Иванов присвоил сюда ряд этико-религиозных принципов в отвлеченно-метафизическом плане, в результате художественное новаторство Достоевского и у Иванова осталось нераскрытым» [Седуро, с. 74]. Сопоставим цитату с текстом самого Бахтина: «<...> Вячеслав Иванов, найдя глубокое и верное определение для основного принципа Достоевского – утвердить чужое „я“ не как объект, а как другой субъект, – монологизировал этот принцип, то есть включил его в монологически сформулированное авторское мировоззрение и воспринял лишь как содержательную тему изображенного с точки зрения монологического авторского сознания мира» [Бахтин, с. 17]. Однако не следует забывать оценку статьи, данную Р. Якобсоном: «одной из главных заслуг небольшого обзора было ознакомление западного читателя с основоположной и основательно забытой монографией М. М. Бахтина» [Якобсон, с. 305].

Сам Р. Якобсон активно включился в процесс «возвращения» Бахтина в рецензии на книгу В. Б. Шкловского «За и против: Заметки о Достоевском» (1957), в которой Шкловский возобновил давнюю полемику с идеей полифонического романа и предложил свою версию «многоголосья». Как указывают К. Кларк и М. Холквист, «Якобсон взял с собой в Москву экземпляры гранок еще не вышедшей статьи на Международный конгресс славистов, проходивший в сентябре 1958 г., где раздавал их всем желающим. Статья привлекла внимание, поскольку советские ученые были весьма увлечены спором по поводу „За и против“. Оказавшись между Шкловским и Якобсоном, Бахтин впервые стал столь широко известен» [Clark, Holquist, с. 332].

К началу 1960-х гг. с ростом интереса к структурализму американская славистика уделяет повышенное внимание русскому формализму. В этом контексте предпочтение, отданное Р. О. Якобсоном Бахтину в споре с В. В. Шкловским, казалось еще одним аргументом для определения автора «Проблем творчества Достоевского» как формалиста. Не случайно Л. Матейка в изданной

в 1962 г. антологии «Материалы по русской поэтике» (см.: [Readings, 1962]) включил в нее наряду со статьями В. М. Жирмунского, Ю. Н. Тынянова, Б. М. Эйхенбаума, В. Б. Шкловского, Р. О. Якобсона фрагменты из «Проблем творчества Достоевского» и «Марксизма и философии языка». В предисловии он писал: «Структуралистский подход связывает, пожалуй, только Якобсона с поколением Бахтина и Волошинова, которые хоть и не считали себя формалистами, но были их прилежными учениками» [Readings in Russian poetics, 1962, с. 1].

Тенденция восприятия Бахтина как формалиста прослеживается в статье Н. В. Первушина «Проблемы творчества Достоевского и современная советская литературная критика». Признавая существование в Советской России в 1920-е гг. серьезной научной школы в изучении творчества Достоевского, представленной именами С. А. Аскольдова, А. И. Белецкого, В. Л. Комаровича, Б. М. Энгельгардта и др., исследователь утверждает, что «самая интересная – с точки зрения поэтики и проблем стиля и композиции Достоевского – была <...> книга М. М. Бахтина» [Первушин, с. 204]. Н. В. Первушин обращает внимание на новый материал, появившийся в издании 1963 г., и на реакцию советской критики, в итоге приходя к повторению мысли о формализме Бахтина: «Двойственное отношение к Достоевскому и к исследованию его творчества продолжается. Продолжаются и колебания между социологизмом и формализмом, если давать этим понятиям широкое толкование. Конечно, Бахтин „спас“ свою книгу двумя-тремя „социологическими“ замечаниями о том, что не идеологическая „выжимка“ (реакционная) из Достоевского, а художественное сочетание романов его в целом составляет подлинную ценность его наследства, и о том, что благоприятная почва для романов Достоевского была создана в России капитализмом. Но по сути дела, устраняя социологизм из своей книги, изучая только проблемы формы и композиции, Бахтин продолжает творческую работу формалистов и компаративистов 1920-х годов» [Первушин, с. 214].

Имя Н. С. Трубецкого окажется соположенным идее полифонического романа Бахтина в отклике Д. И. Чижевского на немецкое издание лекций Трубецкого о Достоевском (1963), где рецензент подчеркивает: «Имеющиеся уже главы показывают нам прежде всего работу Достоевского над композицией его ранних повестей и произведений второго периода. Эта работа является подготовкой композиционно нового вида „полифонического романа“, представленного пока что у Трубецкого двумя романами <...>:

идеологическое содержание романов чрезвычайно тесно связано с этой новой формой, и изложение идеологии Достоевского должно принять существенно иной вид, превратившись в обсуждение этой полифонической структуры романов» [Чижевский, 2013, с. 445]. Можно предположить, что отсутствие здесь имени Бахтина объясняется только одним: и полемика в «Новом журнале», и выход «Проблем поэтики Достоевского» сделали бахтинский термин узнаваемым и не требующим комментария в коротком тексте рецензии.

Именно Д. И. Чижевский стал тем исследователем, который в своем обзоре новинок советского достоевковедения в «Новом журнале» смог четко отделить Бахтина от формалистов: «<...> книга Бахтина вышла в 1929 году и была высоко оценена исследователями, но вскоре стала „библиографической редкостью“ (как отмечает сейчас издательство). Это случилось потому, что книга оказалась „формалистической“ – и хотя точно никто не понимал, что такое „формализм“ и где его границы, но блестящая книга исчезла и не только не переиздавалась, но и не цитировалась, как несоответствующая официальным „нормам“» [Чижевский, 1965, с. 282]. Изложив основные идеи книги, он приходит к выводу, что она «заслуживает не только чтения, но и внимательного изучения поставленных в ней проблем» [Там же, с. 284].

Однако отсутствие английского перевода ограничивало доступ к книге Бахтина широкого круга англоязычных исследователей нового поколения, для славистов же старшего поколения она оставалась все еще одной из многих советских книг, представляющих определенную интерес. Подобное отношение очевидно в обзоре Р. Белнапа [Belnap. Rec.: Bakhtin M. Recent Soviet scholarship and criticism], который, придерживаясь структуралистского взгляда на произведения Достоевского [Belnap. The structure of «The Brothers Karamasov»], не мог испытывать симпатий к бахтинскому подходу.

Ситуация начинает меняться во второй половине 1960-х гг., когда в СССР выходит монография Бахтина о Рабле, вызвавшая активный интерес к идеям русского ученого западного структурализма, прежде всего французского. За несколько лет Бахтин превращается в одного из ведущих представителей «современной теории» [Осовский, 2018], каковым остается в сознании западной гуманитаристики вплоть до сегодняшнего дня.

Состоявшийся «бахтинский поворот» в западной гуманитаристике наглядно отражает позиция одного из самых авторитетных американских теоретиков литературы У. Бута: «<...> я не

могу назвать ни одного литературоведа последних лет – последних только в соответствии со временем дошедших до нас переводов – кто бы более эффективно решил основную задачу литературоведения: побудить читателей снова и снова осмысливать литературоведческие стандарты применительно к различным канонам и антиканонам, к которым эти стандарты ведут. Действительно, для большинства литературоведов на Западе Достоевский не нуждается в реабилитации или защите, которая была ему насущно необходима в Советском Союзе в годы жизни Бахтина.

Что, на наш взгляд, нуждается в защите, так это сама идея превосходства гения и конкретного литературоведческого подхода, предъявляющая претензию на демонстрацию (скорее в ходе убедительного рассуждения, нежели при простом допущении данной мысли) оснований для такого величия. Даже если бы Бахтин не написал более ничего (мой же краткий очерк, увы, дает весьма ограниченное представление о всей поразительной широте им сделанного), уже за одно его страстное и аргументированное выступление в пользу романа и возможностей последнего наше раздираемое кризисом литературоведение в долгу перед ученым» [Booth, с. XXVII].

В американской славистике начала 1970-х гг. Бахтин воспринимается как один из ведущих специалистов по Достоевскому, а понятия «карнавализация» и «полифонический роман» прочно входят, как указывает Р. Уэллек, в тезаурус современной славистики [Wellek] (см. подр.: [Киржаева, Осовский]). Особую роль в этом сыграл выход перевода книги о Достоевском Р. Ротцеля [Bakhtin, 1973], сделавший текст Бахтина доступным для не владевших русским языком исследователей.

Примечательную попытку сформулировать новые подходы к идеям Бахтина предприняли и литературоведы, которым в 1980–1990-е гг. предстоит занять ведущие позиции в англоязычном бахтиноведении. Так, М. Холквист делает попытку вписать бахтинское понятие романизации в устоявшуюся систему жанров [Holquist], чтобы в следующем десятилетии стать ведущим специалистом в бахтинской теории.

Показательно свидетельство Г. С. Морсона, к середине 1990-х ведущего специалиста не только в области бахтинской теории, но и классической русской литературы и культуры, а сегодня самого авторитетного идеолога американского интеллектуального консерватизма: «Я начал всерьез заниматься Бахтиным еще будучи студентом, когда писал дипломную работу о Достоевском на последнем курсе. В то время я прочитал его книгу о Достоевском, которая поразила меня так, как

прежде не поражаало в такой мере ничто из того, что приходилось читать в литературе. Когда вышел сборник литературно-теоретических исследований Бахтина „Вопросы литературы и эстетики“, я принялся за обстоятельное его изучение, после чего написал развернутую рецензию на него под названием „Ересиарх МЕТА“ (она была напечатана только в 1978 году). Восприятие Бахтина у меня с того времени непрерывно обогащается и меняется» [Махлин, Морсон, с. 37].

Таким образом, можно сделать вывод, что американская славистика второй половины 1960–1970-х гг., вслед за славистикой эмигрантской, совершает очевидный поворот к идеям Бахтина, чему способствовала и републикация целого ряда фрагментов из первого и второго изданий бахтинской книги о Достоевском в «Материалах по русской поэтике», переизданных Л. Матейкой и К. Поморской на английском языке [Readings..., 1971], и в сборнике, посвященном творчеству Достоевского и Гоголя [Dostoevsky]. Росту популярности способствовало и появление английских переводов статей Вяч. Вс. Иванова, Ю. М. Лотмана, Б. А. Успенского, стремившихся показать новаторство идей Бахтина в контексте актуальных проблем филологии и семиотики (см.: [Semiotics and structuralism]).

Закономерным итогом освоения бахтинского наследия и обретения нового – более глубокого – его понимания можно назвать новый перевод «Проблем поэтики Достоевского», сделанный в 1984 г. К. Эмерсон [Bakhtin, 1984].

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-01200341 А.

Список литературы

Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского // Собрание сочинений. М.: Русские словари, 2000. С. 5–175.

Бочаров С. Г. Комментарии // Бахтин М. М. Собрание сочинений. М.: Русские словари, 2000. Т. 2. С. 431–543.

Виноградов В. В. Проблемы авторства и теория стиля. М.: ГИХЛ, 1961. 614 с.

Киржаева В. П., Осовский О. Е. О двух терминах М. М. Бахтина в контексте истории отечественного литературоведения XX века // Филология и культура. Philology and Culture. 2016. № 1 (43). С. 223–228.

Кожин В. В. «Я просто благодарю свою судьбу...»: (Вадим Кожин вспоминает о том, как удалось переиздать «Проблемы творчества Достоевского») // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1994. № 1. С. 104–111.

Махлин В. Л., Морсон Г. С. Переписка из двух миров // Бахтинский сборник. М.: Б. и., 1992. Вып. 2. С. 31–43.

Осовский О. Е. Книга М. М. Бахтина о Достоевском в оценках литературоведения русского зарубежья // Бахтинский сборник. М.: Б. и., 1992. Вып. 2. С. 379–391.

Осовский О. Е. За пределами «маленького мирка»: М. М. Бахтин и современная западная теория // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 6. С. 53–62.

Паньков Н. А. Вопросы биографии и научного творчества М. М. Бахтина. М.: изд-во МГУ, 2010. – 702 с.

Первушин Н. В. Проблема творчества Достоевского и современная советская литературная критика // На темы русские и общие. Сб. статей и материалов в честь проф. Н. С. Тимашева. Нью-Йорк: изд-во Об-ва друзей рус. культуры, 1965. С. 198–217.

Плетнев Р. Рец.: Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского // Slavica (Прага). 1931. Т. 9. Вып. 4. С. 837–840.

Плетнев Р. О методах изучения Достоевского: ответ на статью кн. Н. Трубецкого // Новый журнал. 1957. Кн. 51. С. 284–288.

Седуро В. И. Достоевский, как создатель полифонического романа (М. М. Бахтин о форме романа у Достоевского) // Новый журнал. 1958. Кн. 52. С. 71–93.

Трубецкой Н. С. О методах изучения Достоевского // Новый журнал (Нью-Йорк). № 48. С. 109–121.

Чижевский Д. Рец. на кн.: Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963; Долинин А. Последние романы Достоевского. М.; Л., 1963 // Новый журнал (Нью-Йорк), 1965. № 81. С. 140–150.

Чижевский Д. Трубецкой и Достоевский // Достоевский и мировая культура: Альманах. № 30. Ч. I. М., 2013. С. 439–447.

Якобсон Р. За и против Виктора Шкловского // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1959. Vol. 1–2. P. 305–310.

Bakhtin M. M. Problems of Dostoevsky's poetics / transl. by R. Rotzel. Ann Arbor: Ardis, 1973. 249 p.

Bakhtin M. M. Problems of Dostoevsky's poetics / transl. by C. Emerson. Introd. by W. Booth. Minneapolis: Minnesota Univ. Press, 1984. 333 p.

Belknap R. L. Rec.: Bakhtin M. Recent Soviet scholarship and criticism // Slavonic and East European Journal. 1967. Vol. 11. No. 1. P. 75–86.

Belknap R. L. The structure of “The Brothers Karamasov”. The Hague: Mouton, 1967a. 126 p.

Booth W. Introduction // Problems of Dostoevsky's poetics. Minneapolis, 1984. P. XIII–XXVIII.

Clark K., Holquist M. Mikhail Bakhtin. Cambridge, Mass.; London, 1984. 398 p.

Dostoevsky & Gogol: Text and Criticism / ed. P. Meyer & S. Rudy. Ann Arbor: Ardis, 1979. 295 p.

Holquist M. Dostoevsky and the Novel. Princeton: N.Y., Princeton University Press, 1977. 216 p.

Readings in Russian poetics. Ann Arbor: Ann Arbor, University of Michigan, 1962. 216 p.

Readings in Russian poetics: Formalist and Structuralist views. Ann Arbor: Ann Arbor: University of Michigan, 1971. X, 306 p.

Semiotics and structuralism: readings from the Soviet Union / ed. with an introduction by Henryk Baran. White Plains, N.Y.: International Arts and Sciences Press, 1976. XXVI, 369 p.

Wellek R. Bakhtin's view on Dostoevsky: "Poliphony" and "Carnavalesque" // *Dostoevsky Studies*. 1980. Vol. 1. P. 31–41.

References

Bakhtin, M. M. (2000). *Problemy tvorchestva Dostoevskogo* [Problems of Dostoyevsky's Oeuvre]. Bakhtin M. M. *Sobranie sochinenii*. V. 2, pp. 5–175. Moscow, Russkie slovari. (In Russian)

Bocharov, S. G. (2000). *Kommentarii* [Comments]. Bakhtin M. M. *Sobranie sochinenii*. V. 2, pp. 431–543. Moscow, Russkie slovari. (In Russian)

Chizhevskii, D. (1965). *Rets. na kn. Bakhtin M. Problemy poetiki Dostoevskogo. M., 1963, Dolinin A. Poslednie romany Dostoyevskogo. M.; L., 1963* [Rec.: Bakhtin M. Problems of Dostoyevsky's Poetics. Moscow, 1963. Dolinin A. Dostoyevsky's Last Novels. Moscow, Leningrad, 1963]. *Novyi zhurnal* (New-York). No. 81, pp. 140–150. (In Russian)

Chizhevskii, D. (2013). *Trubetskoi i Dostoyevskii* [Trubetskoy and Dostoyevsky]. *Dostoyevskii i mirovaia kul'tura*: Al'manakh. Moscow. No. 30, p. 1, pp. 439–447. (In Russian)

Kirzhaeva, V. P., Osovskii, O. Ie. (2016). *O dvukh terminakh M. M. Bakhtina v kontekste istorii otechestvennogo literaturovedeniya XX veka* [On Two M. Bakhtin's Terms in the Historical Context of Russian Literary Studies]. *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*. No. 1 (43), pp. 223–228. (In Russian)

Kozhinov, V. V. (1994). "Ya prosto blagodariu svoiu sud'bu...": (*Vadim Kozhinov vspominayet o tom, kak udalos' pereizdat' "Problemy tvorchestva Dostoyevskogo"*) ["I simply thank my fate ...": (Vadim Kozhinov recalls how he managed to republish "The Problems of Dostoyevsky's Oeuvre")]. *Dialog. Karnaval. Khronotop*. No. 1, pp. 104–111. (In Russian)

Makhlin, V. L., Morson, G. S. (1992). *Perepiska iz dvukh mirov* [Correspondence from Two Worlds]. *Bakhtinskii sbornik*. No. 2, pp. 31–43. Moscow. (In Russian)

Osovskii, O. Ie. (1992). *Kniga M. M. Bakhtina o Dostoevskom v otsenkakh literaturovedeniia russkogo zarubezh'ia* [M. M. Bakhtin's Book on Dostoevsky in Russian Literary Criticism Abroad]. *Bakhtinskii sbornik*. No. 2, pp. 379–391. Moscow. (In Russian)

Osovskii, O. Ie. (2018). *Za predelami "malen'kogo mirka": M. M. Bakhtin i sovremennaia zapadnaia teoriia* [Outside the "Little World": M. M. Bakhtin and Modern Western Theory]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta*. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. No. 6, pp. 53–62. (In Russian)

Pan'kov, N. A. (2010). *Voprosy biografii i nauchnogo tvorchestva M. M. Bakhtina* [Issues of M. M. Bakhtin's Biography and Scientific Oeuvre]. 702 p. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russian)

Pervushin, N. V. (1965). *Problema tvorchestva Dostoevskogo i sovremennaia sovetskaia literaturnaia kritika* [The Problem of Dostoyevsky's Oeuvre and Modern Soviet Literary Criticism]. *Na temy russkie i obshchie. Sb. statei i materialov v chest' prof. H. S. Timasheva*. Pp. 198–217. New-York, Izdatel'stvo Obshestva druzei russkoi kul'tury. (In Russian)

Pletnev, R. (1931). *Rets.: Bakhtin M. M. Problemy tvorchestva Dostoevskogo* [Rec.: Bakhtin M. M. Problems of Dostoyevsky's Oeuvre]. *Slavia* (Praga). V. 9 (4), pp. 837–840. (In Russian)

Pletnev, R. (1957). *O metodakh izucheniia Dostoevskogo: otvet na stat'iu kn. N. Trubetskogo* [On the Methods of Studying Dostoyevsky: A Response to the Article by N. Trubetskoy]. *Novyi zhurnal* (New-York). No. 51, pp. 284–288. (In Russian)

Seduro, V. I. (1958) *Dostoyevskiy, kak sozdatel' polifonicheskogo romana (M. M. Bakhtin o forme romana u Dostoyevskogo)* [Dostoyevsky as the creator of the polyphonic novel (M. M. Bakhtin on the form of the novel by Dostoyevsky)]. *Novyy zhurnal*. No. 52, pp. 71–93. (In Russian)

Trubetskoi, H. S. (1957). *O metodakh izucheniya Dostoyevskogo* [On the Methods of Studying Dostoyevsky]. *Novyi zhurnal* (New-York). No. 48, pp. 109–121. (In Russian)

Vinogradov, V. V. (1961). *Problemy avtorstva i teoriia stilya* [Problems of Authorship and the Theory of Style]. 614 p. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury. (In Russian)

Yakobson, R. (1959). *Za i protiv Viktora Shklovskogo* [Pro et Contra Viktor Shklovsky]. *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. Vol.1–2, pp. 305–310. (In Russian)

The article was submitted on 12.03.2019

Поступила в редакцию 12.03.2019

Киржаева Вера Петровна,
доктор педагогических наук,
профессор,
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарева,

Kirzhaeva Vera Petrovna,
Doctor of Pedagogy,
Professor,
National Research N. P. Ogarev
Mordovia University,

430005, Россия, Саранск,
Большевикская, 68.
kirzhaeva_vera@mail.ru

Осовский Олег Ефимович,
доктор филологических наук,
профессор,
Мордовский государственный
педагогический институт
им. М. Е. Евсевьева,
430027, Россия, Саранск,
Студенческая, 13а.
osovskiy_oleg@mail.ru

68 Bolshhevistskaya Str.,
Saransk, 430005, Russian Federation.
kirzhaeva_vera@mail.ru

Osovskiy Oleg Efimovich,
Doctor of Philology,
Professor,
Mordovia State Pedagogical Institute
named after M. E. Evseviev,

13a Studencheskaya Str.,
Saransk, 430027, Russian Federation.
osovskiy_oleg@mail.ru